

Линь Хуань не знал, что и сказать. Что значит «не заработал своим трудом»? Разве он только что не потратил уйму сил, сбивая финики? Неужели по-настоящему ценным считается только то, что выкопано из земли мотыгой? А как же рис и мука, которые он берет у семьи Линь — разве они не стоят пары медяков? Точно, ведь в том, что есть у семьи Линь, была и доля труда паренька Хуаня. Значит, можно считать эти продукты законными двумя медяками в качестве компенсации?

Впрочем, раз Система их не принимает, ну и ладно. Только вот он потратил столько сил, собирая эти финики, что выбрасывать их было жалко. Каждый зимний финик — круглый, налитой, да и вкус неплохой. Если снести их с горы и продать кому-нибудь...

Хотя кому нужны эти дикие финики? У односельчан лишних денег нет, а если везти их в город — разве это товар, который можно выставить на прилавок? Кто станет тратить на такое серебро?

Линь Хуань приуныл, но сдаваться не хотелось. Он сорвал финик, с хрустом откусил кусочек и вдруг вспомнил, как в детстве бабушка делала для него медовые финики.

Такие финики долго хранились, были сладкими, мягкими и невероятно вкусными. Увы, теперь ему уже никогда не попробовать бабушкиных сладостей.

Однако глаза Линь Хуаня загорелись. Дикие финики — товар обыденный, а вот медовые — совсем другое дело.

Он перебрал в памяти все воспоминания, но не нашел упоминаний о медовых финиках. Да и вообще, сколько паренек Хуань себя помнил, он и десертов-то толком не видел.

Впрочем, это неудивительно: если не брать в расчет положение Хуаня в семье Линь, то у многих ли крестьянских семей есть лишние деньги на подобные лакомства?

Рецепт медовых фиников прост: нужны лишь финики и сахар. Финики есть, а вот с сахаром... Белого сахара он сейчас не достанет, но можно попытаться заменить его медом. Линь Хуань обвел взглядом лесные заросли — гора была природной сокровищницей. Что ж, стоит попробовать.

Только вот пока он живет в семье Линь, нельзя привлекать к себе лишнее внимание. Лучше спрятать финики на Складе — пригодятся в будущем.

Их оказалось так много, что одному не съесть, поэтому часть можно отнести тетушке Ли Второй. Она так много ему помогала, что лучше уж отдать излишки ей, чем позволить им попасть в руки семьи Линь.

Подумав об этом, Линь Хуань разозлился: чтобы семья Линь снова нажилась на нем — этому не

бывать! Даже если придется раздавать вещи даром, он не даст им ни единого шанса нажиться за его счет.

К сожалению, на ужин в дом семьи Линь он уже не успевал. Да и вряд ли они там ждали его, скорее даже наоборот — радовались, что он не придет, ведь тогда не придется оставлять ему еды.

Он запомнил место, где росло дерево, планируя наведываться сюда в ближайшие дни.

Возвращаясь назад по той же тропе, он проверил свои ловушки, но, увы, они остались нетронутыми — ни одного зверька. Линь Хуань разочарованно покачал головой: сегодня удача была не на его стороне. Впрочем, времени прошло совсем немного, ждать мгновенного результата было наивно — завтра заглянет снова.

Хорошо хоть, что по пути вниз он нашел немного диких грибов и накопал целую корзину овощей. На окраинах леса всё съедобное давно было собрано другими, а вот в глубине, где люди бывают редко, он смог неплохо поживиться.

К подножию горы он спустился, когда небо уже начало темнеть. Да уж, действительно поздно. В это время сельчане уже дома — крестьяне живут по принципу рано вставать и рано ложиться, а жечь лишнее масло для ламп никто не станет, поэтому ужинают и отдыхают они рано.

На обратном пути людей почти не было, и Линь Хуань не спеша обдумывал план похода на гору на завтрашний день.

В этот момент он заметил впереди на обочине карету. Карету! Линь Хуань перебрал в памяти всю свою жизнь — он ни разу не видел, чтобы в деревню заезжали кареты. Обычно даже появление обычной телеги, запряженной волом, становилось темой для разговоров на полмесяца.

Небо уже сильно потемнело, и издалека было плохо видно, почему она стоит на обочине. Может, сбились с пути?

Размышляя об этом, он не стал проявлять особого любопытства и не хотел лезть в чужие дела, продолжая идти своей дорогой.

Но стоило ему подойти ближе, как он увидел человека, который в крайней тревоге метался вокруг кареты. Увидев Линь Хуаня, этот человек просиял и поспешил к нему, но, разглядев, что перед ним всего лишь паренек-гэ, тут же помрачнел.

Линь Хуань с сомнением посмотрел на него: — Почтенный, вы что-то хотели?

Тот кивнул, а потом снова покачал головой: — Эх! Что ты, такой юный гэ, делаешь здесь в такую поздноту? Я поначалу принял тебя за взрослого мужчину, хотел попросить о помощи, а ты... Эх! — и он снова тяжело вздохнул.

Гэ, хоть и похожи на обычных мужчин, всё же имеют отличительный признак — красную отметину между бровей. Ярко-алая родинка означает, что гэ легко зачать ребенка, но такие встречаются редко, один на сотню. У Линь Хуаня была лишь бледно-розовая. Хотя с такой тоже можно забеременеть, это не так легко, как с яркой, но всё же лучше, чем совсем светлая.

Когда Линь Хуань впервые узнал об этом из воспоминаний паренька Хуаня, он лишь фыркнул. Он — мужчина! Какие еще гэ, какие дети? Всё это было от него бесконечно далеко. Когда семья Линь продавала его в наложники, он удивлялся: как мужчина может стать наложником?

Впрочем, эта мысль быстро промельчала и исчезла. Он считал, что мужчина должен вести себя как мужчина, а эти жеманные повадки гэ ему были чужды. В дальнейшем он вообще перестал воспринимать свой статус гэ всерьез. А что до замужества и рождения детей? Ха! Какая нелепая шутка!

Линь Хуань нахмурился. Что это за разговоры? Он помрачнел и в ответ огрызнулся: — А что, гэ теперь и по дороге ходить нельзя?

Человек опешил, явно не ожидая такой прямоты от деревенского гэ. Он подумал, что гэ из глуши, конечно, не чета образованным юношам из богатых семей.

Ему и так не везло сегодня, всё валилось из рук. Хотелось сорваться на крик, но, вспомнив наказ господина, он проглотил гнев.

Он столько лет служил своему хозяину, повидал всякое, поэтому быстро взял себя в руки, улыбнулся и извинился: — Я не то имел в виду. Просто я попал в беду и отчаянно ждал, что кто-то пройдет мимо и поможет. Сказал, не подумав, прошу прощения, если обидел.

Услышав извинения, Линь Хуань немного смягчился. Судя по выговору, этот человек был приезжим, и его тревога казалась искренней.

Линь Хуань не хотел ввязываться в чужие дела, но, услышав о беде, спросил: — Какая у вас неприятность? Если не секрет, расскажите, может, я и смогу чем помочь. Конечно, если не хотите — дело ваше, мне пора идти.

— ... — его слова не звучали как пустая вежливость, и человек на мгновение замер. Линь Хуань решил, что он не хочет рассказывать, и уже собрался уходить.

Вокруг ни души, он здесь впервые, места не знает. Долго никого не было, а небо совсем почернело. Если он заставит хозяина ночевать под открытым небом, ему не сдобровать. Этот гэ

хоть и местный, но даже если не поможет сам, то хотя бы может позвать кого-то другого.

Подумав об этом, он поспешно остановил Линь Хуаня и, сложив руки в приветствии, сказал: — Братец, тут нет ничего тайного. Карета угодила колесом в придорожную канаву, мне одному ее не вытянуть. Не мог бы ты позвать людей?

Линь Хуань засомневался. Человек потер руки и с улыбкой добавил: — Если поможешь, я отблагодарю.

Услышав слово «вознаграждение», глаза Линь Хуаня блеснули. Судя по одежде и карете, этот человек явно не был бедняком. А деньги Линь Хуаню были нужны позарез — отличная возможность сама шла в руки.

Линь Хуань улыбнулся, его тон стал гораздо приветливее: — А, пустяки, дело житейское. Лучше сначала покажите мне, что там случилось, а я посмотрю, сколько людей понадобится, договорились?

Человек согласился. По пути к карете они разговорились, и выяснилось, что его зовут Ли Гуй и что они с хозяином приехали из Столицы.

Люди из Столицы — и в такой глуши? Линь Хуань удивился, но расспрашивать не стал. Когда они подошли к карете, изнутри послышался глухой кашель — вероятно, это был хозяин, о котором упоминал Ли Гуй.

Ли Гуй подошел к занавеске и прошептал несколько слов, изнутри донесся хриплый голос, Ли Гуй поклонился и вернулся к Линь Хуаню: — Братец Линь, не мог бы ты все-таки позвать людей? Мой хозяин щедро заплатит каждому.

— Сколько? — прямо спросил Линь Хуань.

Ли Гуй поднял один палец, но не успел он ничего сказать, как Линь Хуань втянул воздух и выпалил: — Один лян серебра? О! Слушайте, давайте так: я не буду звать людей, а попробую сам вытащить карету, а вы отдадите этот лян серебра мне.

— Э-э! — Ли Гуй подавился словами о десяти лянах, которые собирался предложить.

Для Линь Хуаня, у которого в кармане было всего два медяка, один лян серебра казался огромным состоянием. Такую возможность нельзя было упускать.

Боясь, что тот передумает, Линь Хуань прошел мимо него и спрыгнул в канаву, чтобы оценить, насколько глубоко засело колесо и как лучше взяться за дело.

Получить целый лян самому или делить его на толпу — выбор был очевиден.

<http://bllate.org/book/20999/2135050>